

Тётушка Сунь, освободившись от дел, подошла к столику, чтобы убрать остатки еды, и с удивлением заметила, что Линь Цинъянь всё ещё сидит на прежнем месте, не ушла вместе с Чжао Жо. Она-то думала, что Линь Цинъянь — это новая подруга Чжао Жо из академии Шэнъин.

Сейчас у тётушки Сунь не было срочной работы, так что с уборкой можно было и повременить. Она придвинула пластиковую табуретку, села рядом с Линь Цинъянь и положила оранжевую тряпку на край стола.

— Почему ты свою лапшу с говядиной не доела?

Тётушка Сунь взглянула на стол: в миске оставалось немного бульона, кусочки говядины исчезли, но самой лапши почти не убавилось.

— Простите, тётушка Сунь, аппетита сегодня совсем нет, не лезет.

Линь Цинъянь до сих пор смотрела на миску перед собой, так и не притронувшись к еде, хотя утром почти ничего не ела.

— Ничего страшного. Если захочешь, я тебе её разогрею. Мест у меня хватает, сиди сколько влезет. А если совсем не можешь, я тебе её с собой упакую.

Тётушка Сунь была доброй души человеком, это знали все завсегдатаи, а после того, как она узнала, что Линь Цинъянь — подруга Чжао Жо, её симпатия к девушке стала ещё сильнее.

Линь Цинъянь приложила ладонь к боку миски, поглаживая край пальцами:

— Тётушка Сунь, если бы Цинь Сяо была здесь, я бы обязательно привела её к вам поесть этой лапши.

— Хорошо, как придёте — я вам приготовлю что-нибудь вкусненькое.

Почувствовав, что атмосфера стала какой-то странной, тётушка Сунь перевела разговор на Чжао Жо:

— Тебя ведь зовут Линь Цинъянь, верно? Вы с Чжао Жо однокурсницы?

Ей было ужасно интересно, как они познакомились. Чжао Жо впервые привела к ней подругу, а тётушка хорошо знала её характер: замкнутая, нелюдимая.

— Я окончила университет уже больше двух лет назад, как я могу быть её однокурсницей?

Тётушка Сунь присмотрелась повнимательнее:

— И правда, не похожа. Ты куда взрослее этих детей. Мне самой скоро пятьдесят, вот и зрение подводит.

Линь Цинъянь улыбнулась и поднялась:

— Тётушка Сунь, мне пора. Как-нибудь загляну к вам снова.

Тётушка Сунь, разминая поясницу, отозвалась:

— Подожди-ка, я сейчас упакую тебе эту лапшу.

— Не нужно, оставьте её. Думаю, она пригодится тому, кто голоден.

Линь Цинъянь указала на чёрную короткошёрстную собаку неопределённой породы, которая стояла в нескольких метрах, высунув язык и с надеждой поглядывая в их сторону.

— Хорошо, как скажешь. Покормлю её чуть позже.

Тётушка Сунь уже собиралась идти за миской, чтобы покормить собаку, как вдруг заметила на столе оставленный контейнер. Не раздумывая, она схватила его и поспешила вдогонку.

— Постой!

Линь Цинъянь, услышав окрик, обернулась. Увидев тётушку Сунь, она пошла ей навстречу. Неужели что-то случилось?

— Это твой контейнер?

Тётушка Сунь, придерживая рукой поясницу, тяжело дышала — возраст давал о себе знать.

Линь Цинъянь присмотрелась: похоже, это был тот самый контейнер, который Чжао Жо прятала от неё.

— Это вещь Чжао Жо. Тётушка Сунь, дайте его мне, я верну его ей в руки, когда буду в школе. Если бы не вы... в общем, огромное спасибо.

— Ну что ты, не стоит благодарности, только обижаешь меня такими словами. — Тётушка Сунь отдышалась и вложила контейнер в руки Линь Цинъянь. — Не буду тебя задерживать, беги к

Сяо Жо, она, должно быть, уже волнуется.

— Хорошо, тётушка Сунь, берегите себя по дороге назад.

Линь Цинъянь шла, прижимая завернутый в ткань контейнер. Он был нетяжёлым, но, слегка подбросив его, она услышала, как внутри что-то перекачивается и постукивает о стенки.

Видимо, там была еда. Почему Чжао Жо не хотела, чтобы она знала? Линь Цинъянь не особо интересовало содержимое, она просто хотела поскорее вернуться в Шэнъян и вернуть вещь хозяйке.

Больше не отвлекаясь, она ускорила шаг.

У ворот школы несколько девушек с тренировочными бамбуковыми мечами окружили безоружную ученицу. Вокруг, на небольшом расстоянии, стояли кучки других школьников в форме Шэнъян. Кто-то сочувствовал, кто-то просто глазел, а кто-то откровенно злорадствовал, но никто не решался вмешаться.

Подобное в Шэнъян случалось часто. Все знали, что зачинщица с мечом была влюблена в Линь Ханя, и ни одна девушка, к которой он проявлял внимание, не избежала её расправы. Остальные привыкли и боялись вмешаться, чтобы самим не стать следующей жертвой.

Когда человек становится жестоким, пол уже не имеет значения.

Чжао Жо? Почему она до сих пор у ворот?

Линь Цинъянь разглядела знакомый силуэт и побежала. Чем ближе она подходила, тем яснее становилась картина: именно Чжао Жо оказалась в ловушке, зажата в тиски.

Всё произошло именно так, как и предполагала Линь Цинъянь.

Ситуация пока не была критической: нападавшие ограничивались словесными оскорблениями. Линь Цинъянь остановилась, не спеша вмешиваться — она ждала подходящего момента, чтобы её появление возымело нужный эффект.

Но словесных унижений нападавшим стало мало, их руки уже чесались пустить в ход бамбуковые мечи. Зачинщица оттолкнула своих подруг, собираясь действовать сама. Она яростно занесла меч над головой, словно Чжао Жо была её кровным врагом.

Солнечные лучи слепяще сверкали на бамбуковом лезвии.

В тот самый миг, когда меч должен был обрушиться вниз, Линь Цинъянь рванулась вперёд, заслонив собой Чжао Жо, и выставила левую руку, принимая удар на предплечье.

Она хотела, чтобы Чжао Жо навсегда запомнила: она пострадала ради неё.

Меч ударил по руке. Линь Цинъянь услышала тихий хруст, и от боли в глазах потемнело — другого слова, чтобы описать это ощущение, она найти не могла.

Нападавшая, не достав свою цель, отпрянула и сердито крикнула:

— Ты ещё кто такая?

Линь Цинъянь сжала правую руку в кулак, пытаясь унять пульсирующую боль в предплечье:

— Ученица бьёт учителя, не должна ли ты сначала извиниться?

— Кажется, это сестра Линь Ханя.

Услышав шёпот за спиной, девушка яростно взмахнула мечом, но, не желая рисковать, увела свою компанию прочь. Времени у них ещё будет достаточно — она не верила, что Чжао Жо всегда будет так везти.

Линь Цинъянь обернулась, тяжело дыша, с выступившими на лбу каплями пота:

— Я прогнала их, не бойся.

Чжао Жо подняла заплаканное лицо, потянувшись рукой к её руке, чтобы проверить рану.

— Не трогай, кажется, перелом.

— Прости... прости...

Чжао Жо без конца повторяла одно и то же слово.

— Сяо Жо, послушай, не плачь. Если будешь плакать, мне станет только хуже. — Дождавшись, пока она немного успокоится, Линь Цинъянь полушутя добавила: — Сходи найди Линь Ханя и скажи, что его сестра ранена. Если придёт поздно, увидит только труп.